

Светлана Леонова

ПЕРЕКРЕСТКИ

18+

Светлана Леонова

Перекрестки

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Леонова С.

Перекрестки / С. Леонова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

От прошлого не скроешься и не убежишь. Оно навсегда останется с нами, как бы ни хотелось об этом забыть. Оно живет в своей реальности, в наших воспоминаниях. И лишь иногда пересекается с настоящим, жестоко напоминая о себе... Когда-то Света Авдеева думала, что она счастлива: любимый муж, семья, работа. Но оказалось, что она видела лишь одну сторону медали. Ее мир рухнул в одночасье. Потребовались годы, чтобы поверить в себя и тому, кто готов был подарить ей новый мир. Вот только прошлое в лице бывшего мужа безжалостно врывается в ее жизнь, разрушая все то, что с таким трудом строилось.

© Леонова С., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Внезапно все разговоры стихли. Света обернулась, чтобы узнать, что случилось; тут же бросились в глаза недоумение и ужас, застывшие на лице ее мамы. Сидевший рядом с той Костя тоже не смог скрыть своего непонимания. Света повернулась ко входу и замерла...

– Ну привет, – с широкой улыбкой произнес гость. – Так и думал, что застану вас на даче. Ваши привычки за прошедшее время абсолютно не поменялись.

Мужчина по-хозяйски бесцеремонно вошел в комнату и уселся в свободное кресло.

Все продолжали молчать и разглядывать гостя.

– Не ждали, – утвердительно протянул тот. – А я смотрю, у вас здесь гости сегодня.

Наконец Света смогла скинуть с себя оцепенение и ответила.

– Никита, это не гости, это мой муж и сын.

– Интересно, интересно... – теперь уже Никита с нескрываемым любопытством оглядывал незнакомых ему мужчину и мальчика. – Ну что, малец, – подозвал он к себе мальчика, – давай познакомимся? Да не бойся ты меня...

Маленький Павлик спрятался за отцом и с настороженностью глядел на чужого дядьку.

– Никита, зачем ты приехал? – спросила Света.

– Захотелось тебя увидеть. Соскучился. Да вы меня не стесняйтесь, что вы как не родные, – последняя фраза была брошена уже Вере Ивановне.

В комнате воцарилось молчание и только звук включенного телевизора разбавлял гнетущую тишину. Света видела, как Никита разглядывает ее мужа и ребенка, и это ей совсем не нравилось. Костя тоже весьма настороженно смотрел на гостя – наверное, догадывался, насколько неожиданным и неприятным стало появление последнего для жены.

А Никита острым взглядом отмечал каждую деталь в Свете, каждое изменение. И как-то особенно неприятно рассматривал маленького Павлика. Его взгляд сделался холодным, глаза сузились, а на лице заходили желваки. Свете стало страшно. Она повернулась к мужу – Костя вопросительно смотрел на нее, как будто ожидая немедленного ответа. Но все же в его взгляде не было осуждения, а скорее наоборот, поддержка, он как будто хотел сказать ей: "Я рядом, ничего не бойся!" Но она боялась. Именно этого гостя она боялась.

Давящее молчание затянулось, делая атмосферу еще более гнетущей. Даже маленький Павлик, который всегда отличался веселым и неугомонным характером, притих и попытался спрятаться за папой.

– Свет, я бы хотел поговорить с тобой... – начал было Никита, но тут же был оборван ее словами.

– Нам больше не о чем разговаривать. Мы обо всем поговорили с тобой еще лет десять назад.

Никита улыбнулся, однако его глаза при этом злобно блеснули, и от этого блеска Свете стало не по себе:

– Да нет, осталось еще пару тем...

Под его сверлящий колющий взгляд Свете все же пришлось подняться и проследовать за ним на улицу. Она виновато посмотрела на мужа – в его глазах она прочитала настороженность и тревогу, и от этого стало даже больно на душе.

– Кость, я сейчас, – попыталась она успокоить его, но и сама понимала, насколько жалкой была эта попытка.

– Что тебе нужно? – спросила Света, как только они оказались на улице.

Никита резко схватил ее за локоть и потащил к старому сараю, стоящему неподалеку от калитки.

– Отпусти меня, – пыталась вырваться из цепкой хватки мужчины, но безуспешно. – Куда ты меня тащишь? Пусти! Да отпусти уже...

Голос сорвался на крик, но это не подействовало – Никита резко прислонил Свету к забору, так, что она ощутимо ударилась головой и плечом, и грозно навис над ней.

– Это что? – яростно спросил он, кивком головы указав на дом.

– Что? – как можно спокойнее постаралась ответить Света, хотя внутри все больше и больше разрастался страх.

– Какой, нах***н, муж и сын? Ты моя жена и я тебя никуда не отпускал...

– Да я перестала быть ею еще тогда, шесть лет назад, – взорвалась Света. – Ты разве забыл? В тот момент, когда мне больше всего была нужна твоя поддержка, ты сам выгнал меня, да еще и притащил в дом любовницу.

Никита резко обхватил Светино лицо пальцами, больно впиваясь пальцами в ее щеки.

– Послушай меня внимательно, – сквозь зубы прорычал он, – я тебя никуда не отпускал. И если я сказал, что ты моя, значит ты только моя. Значит, ты пойдешь со мной куда бы я ни сказал. – И смерив ее яростным взглядом, продолжил. – Собирайся, мы уезжаем.

– Она никуда не поедет, – раздался грозный голос Кости.

Никита медленно обернулся, так и не отпустив Свету из своего захвата. Он гневно сузил глаза, разглядывая неожиданно появившегося мужчину, который прервал его разговор. Оба мужчины яростно смотрели друг на друга. Казалось, что от возникшего напряжения воздух вокруг наэлектризовался и вот-вот готов был взорваться яркими искрами. Света с нескрываемым в глазах страхом смотрела на Никиту: его хватка стала еще сильнее, но теперь он еще и вжимал ее всем телом в забор, будто пытаясь что-то ей доказать. Становилось трудно дышать. Света судорожно ловила воздух, однако паника словно сковала все ее легкие и теперь оставалось только надеяться на то, что Никита все же отпустит ее.

– Отпусти ее, – Костя тут же бросился оттаскивать мужчину от жены.

Он сумел отбросить соперника подальше от испуганной Светы, однако тот так просто не собирался отступать. И теперь оба мужчины ожесточенно дрались во дворе, нанося друг другу тяжелые удары. В какой-то момент Никиты все же был отброшен на землю, и Костя сразу же подскочил к Свете, чтобы выпроводить ее в дом.

– Отойди от нее, – услышали они тихий, но жесткий голос.

Оба повернулись и замерли. На них был направлен пистолет. Костя сориентировался быстро и тут же заслонил собой Свету, стараясь удерживать ее за своей спиной и в то же время не выпускать из виду Никиту с оружием в руках.

– Никита, ты что творишь? – вне себя от страха проговорила Света.

– Медленно отошла от него и подошла ко мне, – яростно произнес Никита и, заметив ее замешательство, рявкнул. – Быстро.

– Никита, что ты делаешь? Опустит пистолет, – взмолилась она.

– Я только забираю то, что принадлежит мне. Быстро иди сюда, я не шучу, – и для пущей убедительности потряс пистолетом.

Света сделала шаг вперед, но Костя снова заслонил ее собою:

– Не выходи, ты же видишь, что он в неадеквате, – прошептал он жене.

В этот момент раздался выстрел, и пуля вошла в землю совсем недалеко от них. Света оглушительно вскрикнула и в страхе зажала уши руками и зажмурилась, опустив голову. Господи, только бы мама с Павликом не вышли на шум, потому что кто знает, что у этого ненормального в голове – вдруг следующий выстрел будет уже не в землю, а в живую мишень.

– Иди сюда, я тебе сказал, – грубо крикнул Никита. – В этом случае я, так уж и быть, не оставлю твоего мелкого безотцовщиной...

Света подняла голову и посмотрела на Костю. Он заметил, как по ее щекам текли слезы, а в глазах застыла боль и в них отчетливо читалось, как сильно она боится.

Никита не стал ждать – он в два шага подскочил к Свете, схватил ее за локоть, притянул спиной к себе, обхватил свободной рукой за шею и потащил к калитке, продолжая наставлять пистолет на Костю. Света на несколько секунд была как в оцепенении, но потом стала яростно сопротивляться, пытаясь вырваться из удушающего захвата.

– Не дергайся, – услышала она над своим ухом угрожающий шепот, – иначе следующая пуля точно найдет цель. И ты прекрасно знаешь, кто будет этой целью.

Конечно, она знала – Костя. Если Никита приехал за ней – значит, она ему сейчас нужна.

Света бросила последний взгляд во двор, где остался Костя – его губа была разбита, бровь рассечена – ей было страшно и больно на это смотреть. Никогда в жизни она не думала, что этот кошмар по имени Никита снова ворвется в ее жизнь, и уж никак не могла и предположить, что он каким-то образом будет пытаться навредить ее семье. Она успела заметить, как Костя беззвучно проговорил ей: «Не бойся. Я тебя найду» – просто каким-то интуитивным образом прочитала это по его губам. И в следующий момент Никита выволок ее на улицу и затолкал в свою машину. И потом с бешеной скоростью сорвался с места, оставляя после себя клубы пыли, и они быстро скрылись из вида.

– Боже, откуда ты только взялся, – сдавленно прошептала Света, не в силах даже посмотреть на своего похитителя.

– Вы все вычеркнули меня из своих жизней, – Никита бросил быстрый колющий взгляд на нее и снова отвернулся. – Все: ты, родители, друзья. Теперь пришло время вернуть все, что я потерял...

Дальше Света просто не стала слушать. Хотелось просто немного прийти в себя и постараться придумать, как ей вырваться от этого сумасшедшего. А то, что Никита теперь действительно не в себе, Света понимала с ясностью. Что же с ним произошло за это время? Что так повлияло на него? Он и раньше не был чутким и внимательным, но сейчас перед ней стоял совершенно чужой, страшный человек – и она до ужаса боялась его – боялась этой неизвестной перемены.

Глава 1

Все происходящее казалось каким-то нелепым и страшным сном. Даже не кошмаром, а сплошной сумятицей. Хотелось как следует потрясти головой, открыть глаза и увидеть, что все вновь так же, каким и было прежде.

Хотя "прежде" – весьма спорное понятие. Обширное. Какое именно прежде? То, которое было разрушено, или то, которое с таким трудом создавалось, собираемое по крупинам доверия, любви? Ведь каждое из этих "прежде" имеет свое счастливое воспоминание.

Они неслись вперед на большой скорости, ловко и опасно маневрируя среди попутных машин, а у Светы сердце заходило от ужаса и неизведанности. Куда они едут? Что ее бывший муж задумал? Спрашивать не хотелось ни о чем, так как предугадать его реакцию на ее вопрос было просто не возможно. В особенности ее пугало наличие у него пистолета. Света ничего знала о том, что произошло в жизни Никиты с того момента, как они виделись в последний раз, насколько сильно он изменился и чего от него теперь ожидать. Ей просто хотелось, чтобы все это оказалось недоразумением. Хотелось вернуться домой, к семье.

Поведение Никиты стало заметно напряженнее. Он нервно всматривался в зеркало заднего вида и что-то бубнил себе под нос, все чаще и чаще срываясь на нецензурную речь. Света бросила взгляд на боковое зеркало, и ее сердце отчаянно забилося о ребра: знакомая коричневая «Шкода» стремительно догоняла их, стараясь так же лавировать в потоке машин и не потеряться. Ей не нужно было даже пытаться взглянуть в номера или в лицо водителя, чтобы понять, кто старался их нагнать. Костя успел. Из их поселка была только одна дорога к шоссе, поэтому Косте не составило большого труда понять, в какую сторону они уедут.

Никита резко ухватился за волосы своей пассажирки и одним рывком привлек ее ближе к себе, смотря то на дорогу, то на лицо удерживаемой им женщины.

– Улыбаешься? – прошипел он, усиливая хватку и принося сильную головную боль. Света и правда поймала себя на мысли, что увидев в зеркале автомобиль Кости, она невольно улыбалась. – Забудь. Погуляла и хватит с тебя.

– Он мой муж, – неожиданно даже для самой себя твердо отчеканила Света.

Одним сильным и порывистым движением руки Никита притянул за волосы девушку к себе, а потом, словно передумав, резко оттолкнул ее от себя.

– Я тебя никуда не отпускал. – Он опасно обогнал попутный автобус, отчего Света напряженно вцепилась пальцами в сиденье, и яростно ударил кулаком по рулю. Его голос грозно отдавал в ушах. – Кто б мог подумать, что моя жена окажется такой...

– Кем? – не менее яростно воскликнула Света, поворачиваясь к своему похитителю, еле сдерживая порыв вцепиться в него. – Жена? Я уже давно тебе не жена.

– Не зли меня, родная моя, – отчеканивая последние два слова, процедил Никита, – я не давал тебе развода. Ты все еще принадлежишь мне.

– Нас развел суд. Пусть и заочно...

– А мне до одного места это решение. Меня на этом суде не было. Я никакого согласия не давал.

От возмущенного удивления Света даже слов подобрать не могла. Она в изумлении смотрела на того, кто когда-то назывался ее мужем, и пыталась понять, действительно ли он сам верит в свои собственные слова. Но то, как сильно Никита обхватил своей пятерней ее лицо, почти до синяков впиваясь пальцами в щеки, и притянул ближе к себе, бросая урывками гневные взгляды, только подтверждало ее мысли. Никита всегда был жутким собственником и любая претензия на то, что он считал по праву своим, приводила его в неистовое негодование. Потому его заявление о том, что он не признает развод, заставило ее похолодеть от страха.

Он не отступится. Ни за что не отступится от нее. Света не знала и даже не понимала, что же понадобилось ее мужу от нее, но одно было ясно точно – так просто он ее не отпустит.

Попытаться убрать жесткий захват его пальцев было не самой удачной идеей – она не смогла отдалить его руку от себя и лишь еще больше разозлила.

– Убери руку, – как можно тверже произнесла Света, все еще стараясь разжать его железную хватку, – мне больно.

Никита повернулся к ней, смерил холодным взглядом прищуренных глаз и резко оттолкнул ее от себя. Света, не ожидавшая подобного, ударилась головой о подголовник сидения, но тут же подобралась и как можно дальше отодвинулась на сиденье от мужчины, чувствуя за спиной ограничивающую ее отступление дверь.

– Что тебе от меня нужно? Тебя не было столько лет и вдруг ты появляешься словно из ниоткуда... Никита, ты ведь сам поставил точку.

Мужчина молчал и напряженно поглядывал в зеркала заднего вида. Его отчаянные попытки оторваться от преследовавшей коричневой "Шкоды" не давали результата и это откровенно злило. В какой-то момент он стал резко сбрасывать скорость, и когда Костя сначала нагнал, а потом, заняв соседнюю полосу, поравнялся с ними, Никита достал из кармана пистолет и наглядно показал его своему преследователю. Костя отрицательно покачал головой и кивнул в сторону обочины. "Господи, что он делает?" – с ужасом подумала Света, не в силах пошевелиться и даже сделать вздох. – "Этот ненормальный точно убьет его". Она мысленно молилась про себя, чтобы трасса так и оставалась практически пустой, как в данный момент, и Костя не столкнулся со встречной машиной. Молилась, чтобы Никита не причинил вреда ни ей, ни ее мужу, чтобы не воспользовался оружием.

Но, похоже, у Никины на этот счет были иные планы. Он вовсе не собирался отступаться и останавливаться на обочине. Наоборот, стал ускоряться. Костя, словно предвидя этот ход, чуть оторвался вперед и стал выжимать машину похитителя на обочину. И тогда Никита опустил стекло и открыл огонь. Он стрелял без разбора, куда попадет.

– Что ты делаешь? – вне себя от ужаса закричала Света и вцепилась в руку мужчины, держащую руль, и попыталась привлечь его внимание к себе. – Прекрати немедленно. Никита, пожалуйста, я прошу тебя, остановись.

Но он лишь отмахнулся от нее и вновь выстрелил. Раздался громкий хлопок – лопнуло переднее колесо "Шкоды", и машину тут же понесло в неуправляемом заносе в кювет. Света закричала и ухватила за ручку двери. Но дверь была заблокирована.

– Остановись. Открой немедленно, – она тщетно пыталась хоть что-то сделать – дверь не поддавалась.

Никита ухватил ее за руку и грубо рванул на себя.

– Сиди, – рявкнул он, – не хватало еще, чтобы ты вывалилась под колеса.

– Никита, пожалуйста.

– Я предупреждал, – последовал холодный ответ. – Сиди и не рыпайся, иначе я и тебя успокою.

Света благоразумно предпочла замолчать и теперь только в боковое зеркало могла видеть, как Костя все-таки сумел справиться с управлением и остановить машину на обочине. Она с трудом сдерживаемыми слезами в глазах смотрела на мужа – какое это немыслимое облегчение знать и видеть, он жив, с ним ничего не случилось. И как немыслимо тяжело осознавать, что возможно в этот раз их встреча была последней. Они уносились прочь с огромной скоростью. А Света все никак не могла оторвать взгляда от зеркала, в котором все дальше и дальше от нее оставался Костя. И даже когда он скрылся из вида, все еще продолжала смотреть.

В салоне повисло тягостное молчание. Никита нервно выкуривал одну сигарету за другой, еще опаснее обгонял тянущийся поток начинавших скапливаться автомобилей, то и дело выскакивая на встречную полосу и в последний момент уходя от столкновения с отчаянно

сигналившим встречным автомобилем, а Света просто молчала и, прикрыв глаза, мысленно молилась, чтобы добраться до неведомой цели поездки хотя бы целой и невредимой, так как боялась произнести хоть слово. В таком состоянии, как сейчас, Никиту могло раздражать все: от нелепости на его взгляд фразы, до неправильной интонации произнесенного.

Когда они стали замедляться и остановились, Света рискнула открыть глаза и осмотреться. Заправочная станция, пусть и небольшая, скрытая от оживленной дороги поворотом и большими кустами. Этого рано или поздно можно было ожидать. Большинство современных заправок располагали на своей территории кафе, где обязательно был охранник. Можно было бы попытаться...

Никита нагнулся к бывшей жене, заставив ее испуганно отшатнуться назад, усмехнулся ее реакции и достал из бардачка наручники. Пристегнул одно кольцо железного браслета к ее правой руке, а второй к ручке над окном пассажира.

– Посидишь здесь, пока я не вернусь, – тоном, не терпящим возражения, произнес он, заблокировал все окна в салоне, вытащил ключ зажигания и вышел из автомобиля.

Что ж, этого тоже можно было ожидать – Никита совсем не дурак давать ей хоть малейший шанс позвать кого бы то ни было на помощь или бежать. Оставалось только ждать.

Никита вернулся с бутылкой воды в руках.

– Пей, – скомандовал он.

– С чего такая забота? – не смогла сдержать колкости Света.

– Все-таки не чужие люди друг другу, – казалось, сейчас Никиту ничуть не смутил ее тон. – Или забыла уже все те слова, что говорила мне?

– Ничего не забыла, – холодно ответила она, беря протянутую ей бутылку, – ни своих, ни тем более твоих слов. Каждое помню, до буквы.

Никита помрачнел, его брови сошлись у переносицы, а губы сжались в тонкую линию. Ничего более не говоря, он захлопнул дверь и ушел заправлять машину.

Да, она ничего не забыла. И хотела бы, но не могла. Слишком сильную боль он причинил. Слишком глубокую. Непрошенные слезы давней обиды подступили к глазам, и Света тут же смахнула их. Вновь вспомнилось, как все у них начиналось и к чему, в конечном итоге, все пришло.

Глава 2

Время безжалостно стирает границы между правдой и домыслами. То, что вчера казалось непоколебимым и верным, сегодня уже заставляет сомневаться в правильности собственного решения. Мы отдаляемся от ушедшего, накладывая новые и новые слои воспоминаний один на один, затирая в памяти все острые грани, делая все размытым и несущественным. Нам кажется, что все ужасы похоронены где-то глубоко в нашем подсознании и им не выбраться на поверхность. Мы живем и стараемся не вспоминать, не разворачивать в нашем подсознании горькие моменты. Только приходят они оттуда, откуда меньше всего ждешь, сколь бы глубоко и прочно не прячешь их в себе. Они приходят и ворошат душу, разрывают ее безобразными клочьями, вспарывают затянувшиеся раны, оживляя и пронося перед взором все ненавистные, деморализующие моменты. Стоит лишь одному проклятому демону прошлого ворваться в воспоминания, как он с легкостью ворошит созданный с огромным трудом мир и спокойствие, ломает уверенность в себе... И вспарывает все новые и новые воспоминания, эксгумируя их из захоронений небытия. Вся прежняя жизнь за считанные минуты проносится перед глазами, вновь заставляя окупиться в боль пережитого.

Это было давно. Десять долгих лет назад. Хотя начиналось, наверно, еще раньше, но для Светы точка отсчета была поставлена именно десять лет назад. В тот далекий 2005 год, когда казалось, что раскрываются все двери жизни, а любые дороги приведут к счастью, когда мир еще горел яркими солнечными красками и так отчаянно не хотелось знать, что может быть как-то иначе. С кем-то другим – возможно, но только не с тобой.

Света с некоей долей отрешенности вспоминала все то, что сейчас называлось прошлым. Как начиналось: с ненавязчивых встреч сначала в компании с друзьями, затем робкие свидания наедине. Когда дружба переросла в чувства, сказать было трудно. Первая любовь... Пожалуй, самая идеализированная. На нее всегда возлагаются самые чистые и трепетные надежды. Ее всегда возносят до нереальных высот. И обманувшись в которой, всю жизнь вспоминаешь горький урок.

2005 год.

Может ли человек поменяться до неузнаваемости за год? Настолько, что создается впечатление, будто это вовсе не тот, с кем хотелось навсегда связать свою жизнь. С переменной характера, привычек и даже голоса. Настолько, что не остается ни одной мало-мальски знакомой, родной черты лица, жеста и даже взгляда. Настолько, что создается впечатление, будто это абсолютно чужой, незнакомый человек. Или, быть может, это она сама не научилась до сих пор разбираться в людях, видела лишь только то, что хотелось бы видеть, то, что не присуще. Горько было понимать, что все чувства, всё ощущение счастья – это всего лишь собственный самообман, который вопреки действительности отчаянно хотел жить. Маски, созданные собственными иллюзиями и наивными мечтами, теперь с беспощадной жестокостью спадали, и было больно. Так больно, будто это с собственного лица сдирали их живьем, вместе с эмоциями и чувствами. Настолько больно было встречаться с ужасной реальностью и подписываться под собственным неумением узнавать людей.

День подходил к концу, но домой совершенно не хотелось торопиться. Что ее там ждало? Чужой дом, чужая по сути семья, вежливое приветствие, тягостное молчание и непонятные взгляды в спину? Новые недовольства мужа? После сегодняшнего утреннего разговора Света всерьез задумалась над тем, а так ли хорошо она знает того, за кого вышла замуж. Размышления терзали ее весь день. Бесконечно долгий серый день. И принятое решение было трудным,

но, как ей казалось на тот момент, верным. Они с Никитой семья. Нужно учиться преодолевать разногласия, учиться делать шаг навстречу. Создать семью – дело не хитрое, вот только сохранить ее, поддерживать отношения – вот настоящий талант. И этому нужно учиться. Проще всего разойтись, оставить все, как есть, и не мучиться, не ломать себя. Сказать: «Не подошли характером». Но разве это семья? Ведь если двое связывают себя друг с другом узами брака, значит, у них есть нечто общее, такое, чем можно дорожить и ради чего стоит сделать первый шаг.

Стараясь не прислушиваться к затаившейся внутри обиде, Света до последнего просидела на улице, ожидая возвращения Никиты с работы. Ежась от промозглого ветра, надвигая еще глубже капюшон, она не спешила домой, ведь там ее никто и не ждал: они жили у родителей Никиты, так как он был твердо убежден, что раз уж не получается приобрести отдельное жилье, то жена должна жить непременно в доме мужа, вместе с его родителями, а никак не наоборот. Света мирилась с этим, видя, насколько сильно муж психовал, едва только заходила тема о возможности снять отдельное жилье. Приходилось мириться с таким положением вещей, жить в такой семье, где пусть и было вежливое общение, но каждый раз давали понять, что в этой семье невестка – пришлый человек, так и не ставший полноценным членом семьи, и в любой момент ее могут заменить на любую другую такую же.

– Никит, давай поговорим, – едва заметив мужа, Света направилась ему навстречу.

– Давай позже. Я устал, хочу есть.

– Я не хочу дома. Давай здесь?

Никита, словно ничего не слыша, продолжил идти.

– Ну где ты там? – он остановился, удерживая открытой дверь в подъезд.

Вздохнув, Света направилась следом за ним в дом.

Ужин прошел как всегда в напряженной тишине. Света уже в который раз задалась вопросом, так ли выглядит обычная семейная жизнь и может быть она слишком многого ждет от Никиты, посмотрелась фильмов, начиталась книг, понапридумывала, а теперь не желает смириться с действительностью.

В этот вечер отец Никиты затребовал у него большую сумму денег, чтобы вложить их в рискованную сделку. Света даже не будучи финансистом, но хорошо зная законы, сразу стала отговаривать, так как сделка эта была практически безвыигрышной. Но переубедить пожилого мужчину было не возможно.

– Свет, не лезь, куда не надо, – совершенно отстраненным голосом одернул ее Никита. – Тебя это не касается.

– Только потом отвечать мы все вместе за это будем, – не соглашалась она. – Ты пойми, что это обман. Такая схема только вытягивает из незнающих людей деньги и имущество. Ведь мы же откладывали их на...

– Это мои родители, – перебил ее Никита, повысив голос. – И помогать я им буду вне зависимости от того, за ты или против. Мы живем в их доме, и ты должна считаться с их решением.

Света потрясенно замолчала. Можно было подумать, что у нее было право выбора, где они с Никитой будут жить. Никита оказался типичным маминым сынком, боящимся оторваться от родительского дома. Его очень устраивало то положение вещей, при котором его одновременно обхаживали две женщины, в чем-то конкурирующие за его внимание.

В комнату вошел отец Никиты.

– Мне на завтра нужны деньги, – безо всяких предисловий сказал он.

Никита поднялся и направился к шкафу, где они со Светой хранили свои сбережения.

– Вы все хорошо проверили? – не выдержала Света. – У вас они что – лишние?

– Твоего мнения никто не спрашивал, – грубо прервал ее свекор.

– Мне кажется, я имею право высказаться, поскольку Никита мой муж и те деньги, которые вы хотите взять, мы с ним заработали вместе.

– Да какие там деньги ты заработала? Твои жалкие копейки? – усмехнулся мужчина. – Скажи спасибо, что мы тебя кормим, что ты у нас живешь и мы с тебя денег не берем... Зарабатывает она... На два куска колбасы всего-то и хватает. Помалкивай сиди и не лезь в мужские дела.

От обиды на глазах выступили слезы. Одно дело осознать, что тебя в этом доме совершенно не уважают и только терпят, и совсем иное – когда об этом говорят прямо в глаза.

– Да, может у меня и не высокий доход, но все же я стараюсь, делаю для семьи все... – попыталась защититься Света.

Она бросила взгляд на мужа в немой просьбе защиты, но тот лишь отстраненно смотрел в сторону, явно давая понять, что вмешиваться не собирается и хоть как-то заступиться за жену тоже не намерен.

– Да ты Никиту как своего мужа вообще не уважаешь.

– Почему вы так говорите? – Света чувствовала, что начинает срываться, и из последних сил старалась держать себя, чтобы не повышать голоса. – В чем, по-вашему, должно быть уважение к мужу? Я что, не готовлю, не стираю, не убираюсь? Он даже не знает, что это такое – сходить в магазин за покупками.

– Ты его постоянно упрекаешь.

– Я? – удивленно выкрикнула девушка. – Чем же?

– Кто постоянно заводит одну и ту же песнь об отдельной квартире? Не ты ли так настойчиво хочешь развести его с нами, его родителями? Разве любящая и уважающая жена так поступает? – отец Никиты угрожающе надвигался на Свету, а она уже не могла сдерживать слез обиды и беспомощности. – Ты принижаешь его в глазах его друзей и коллег. Почему он должен выпрашивать у тебя машину, как милостыню?

– Да потому что это машина моей матери. – Со слезами парировала словесный удар Света. – Потому что она купила ее для меня еще задолго до того, как мы с Никитой поженились.

– Он твой муж. И тоже имеет право пользоваться.

Света смотрела на этих двух мужчин и вдруг поняла, насколько же сильно за весь этот день она вдруг разочаровалась в этой семье. Родители мужа, которые ожидали ее полнейшей покорности, благодарности и бескрайнего раболепия, равного в их понятии уважению, и, самое главное, в муже, который даже и не пытался заступиться за свою жену, всецело отстраняясь от проблемы. Ни единой попытки с его стороны даже предотвратить скандал. Он просто сделал вид, что его это не касается.

Действуя абсолютно на эмоциональном порыве, Света схватила свою сумку, теплый свитер и какую-то первую попавшуюся под руки футболку, и выбежала из комнаты. Остаться в этом доме не было ни сил, ни желания. Пока она наспех обувалась, никто так и не появился. Никита даже не предпринял ни единой попытки – даже устной, – чтобы остановить ее. В какой-то степени Света и была этому рада. Но с другой стороны только доказывало, насколько безразличной она была все это время для этой семьи. Сдернув с вешалки куртку и подобрав свою маленькую носильную вещь, Света выбежала из квартиры в ночь. За спиной громко хлопнула дверь, и от этого звука даже мурашки по коже пробежали. Было такое чувство, будто это не она сама ушла, а ее выставили из дома. А тот, кто был самым родным и близким, остался по ту сторону двери. То ли не решившийся противоречить семье, то ли тоже остывший к ней. Непрошенные слезы ручьем покатились из глаз. Сейчас Свету мало интересовал вопрос, куда она подастся ночью, что будет с ней дальше. Сейчас все мысли были только об одном: как же так? Ведь она любила, она всю себя отдавала Никите, она ему верила... а он оказался не способен даже заступиться за нее. В чужом для нее доме. Была ли она так важна для него все это время или же просто удобна?

Ночь радушно встретила ее холодным отрезвляющим ветром и тускло горящими ночными фонарями. Сейчас будущее казалось таким же не четким, как и вся улица, слабо освещенная в ночной тьме. Подальше от этого дома. Подальше от этих людей. Подальше от своих разочарований. Все мысли и раздумья завтра, а пока – прочь отсюда.

Глава 3

Ночь была куда гостеприимнее того места, которое сейчас должно зваться домом. И пусть ледяной ветер кусал за щеки, зато он невидимой колючей рукой вытирал ее слезы, нескончаемым потоком катившиеся из глаз. Войдя в непроглядные объятия темноты, она, не разбирая дороги, бесцельно брела по улице, минуя спешащих прохожих. Люди торопятся домой. ДОМОЙ! Туда, где их ждут, где они нужны. Ее же никто не ждал. А ждал ли когда-нибудь вообще? Была ли она нужна Никите? Света вспоминала, как сразу после их свадьбы он стал рьяно убеждать и доказывать, что отныне ее дом там, где муж, что она ушла из родительского дома и он более не намерен смотреть на ее визиты к маме по выходным. В его понимании жена должна сидеть дома и ждать мужа. Может быть, раньше она не обращала на этого внимания, ища некий компромисс, но сейчас действительность с ее ужасающей правдой раскрылась в полной мере: никакого компромисса Никита не потерпит. Есть только его точка зрения, остальное его не волновало. И если прежде Света старалась не обращать на это внимания, искала какое-то оправдание поступкам мужа, то сейчас та плотина, что сдерживала ее недовольство сложившейся ситуацией, рушилась с катастрофической скоростью. Все обиды горько текли жгучими ручейками слез, разъедали собственные наивные иллюзии и меняли напрочь ее сложившийся мир.

Бесцельно скитаясь по пустеющим улицам города, Света поймала себя на мысли, что рука предательски сжимает телефон в кармане куртки. Она ждала, надеялась, что Никита позвонит. Очнется, заволнуется, захочет вернуть... Но маленький аппарат все так же хранил молчание, словно он был отключен. Она вытащила его из кармана – но нет, с телефоном все было в порядке, он исправно работал. Неисправна была только ее семейная жизнь, давшая трещину в какой-то не замеченный момент.

Редкие прохожие и усиливавшийся холодный ветер напомнили о том, что нужно решать, как провести эту ночь. Самым очевидным казалось просто приехать к маме, которая жила не так далеко, всего в 15 минутах от МКАДа, но Света сразу же отбросила эту мысль. Не хотелось сейчас ее огорчать, потому что только недавно она перенесла тяжелый сердечный приступ. Весть о том, что ее дочь ушла от мужа в ночь и что он даже не попытался ее удержать, привела бы к еще одному приступу. Остаться у кого-то из немногочисленных подруг, живущих неподалеку отчего-то даже не пришла в голову. Это потом она размышляла о такой возможности, но в тот момент мозг словно отключился, сосредоточившись только на том, как быть. В тот момент она еще ждала звонка, ждала хотя бы простого слова: «Возвращайся». В тот момент, она еще готова была простить. В тот момент она еще любила. Наивно, искренне, возможно все еще слепо, лелея какие-то надежды.

Ту ночь она провела на работе, кое-как уговорив охранника впустить ее посреди ночи, что-то придумав о сгоревшем электрощитке в квартире. Ей было абсолютно все равно, что он подумал, и абсолютно безразличен его сочувствующий взгляд. Эта ночь была мучительно долгой. Тысячи и тысячи раз прокручивая в голове брошенные ей слова, Света пыталась понять, в чем была ее вина? В том, что любила и что старалась прийти к двору, стать частью семьи?

Утром, ловя на себе любопытные взгляды коллег, Света поняла, что ее лицо красноречиво говорило само за себя о бессонной ночи и предательски выставляло как улики красные от слез глаза. На испуганный вопрос начальницы, что случилось, Света уклончиво ответила, что проблемы дома, и погрузилась в работу, желая хоть так забыть о своей драме.

Только к вечеру раздался звонок на ее телефон. На полном автомате, голосом, лишенным всяких эмоций, Света ответила, даже не глядя на высветившийся номер.

– Показала свой характер, а теперь возвращайся, – услышала она сердитый голос мужа.

– Да? Значит, это я, – Света сделала ударение на слове «я», – показала характер? Это я решила просто так поскандальить?

– То, как ты себя вела с моим отцом, просто непозволительно.

– Никита, а ты ничего не путаешь? – парировала удар Света. – Я его обвиняла? Оскорбляла? Я стала ему претензии высказывать?

– Еще бы ты посмела, – прошипел Никита на другом конце связи. – Ты должна уважать моих родителей, хотя бы просто потому, что они мои родители и ты живешь в их доме. А теперь возвращайся.

От возмущения и новой волны обиды снова зашипало в глазах. Она «обязана». Почему-то в этой семье она лишь только обязана. Никаких прав – только обязанности.

– А они хоть каплю уважения имеют ко мне?

– Тебя никто не выгонял. Ты сама проявила неуважение к ним, уйдя и хлопнув дверью. А теперь я еще раз тебе повторяю: возвращайся. Твое место рядом с мужем.

– Никит, – взмолилась Света, понимая, что голос предательски дрожит от слез, а ком в горле мешает перевести дыхание, – Никит, пожалуйста, давай снимем отдельное жилье. Мы что-нибудь придумаем. Я поменяю работу, мы найдем, как приобрести что-то свое...

– Твое место рядом с мужем, – жестко оборвал он ее, – и снимать ничего мы не будем.

– Никит, я тебя умоляю, – уже рыдала Света, – прошу тебя... Ну не могу я туда вернуться.

Кого она старалась уговорить, разжалобить? Это все равно, что попытаться выжать из скалы хоть каплю воды. Никита всегда был непреклонен. Если он что-то решил, то поменять свое мнение его не сможет заставить никто и ничто.

– Ты опозорила меня перед родителями, выставила меня – меня! ты понимаешь, меня!!! – дураком в их глазах. Я еще раз повторяю: возвращайся домой. Все. Точка.

Связь отключилась, и Света уткнулась лицом в сложенные ладони, не в силах сдержаться от отчаяния и боли. Есть ли у них хоть какое-то будущее, хоть крохотная надежда на него? Или это конец?

Торопиться ей было некуда. Все сотрудники разбежались домой, косо поглядывая в ее сторону. А она делала вид, что слишком много срочной работы. Звонок мобильного как гром поразил тишину опустевшего офиса. Света вздрогнула и быстро ответила.

– Свет, давай поговорим, – голос Никиты был куда спокойнее, чем в предыдущий их разговор. – Давай встретимся возле книжного, я как раз поеду ставить машину в гараж.

Света молчала в нерешительности, боясь что-либо говорить. Почему-то слезы потекли по щекам, едва она снова услышала его голос. Что произошло за тот час или два, что прошли с момента их разговора? Он передумал или что-то осознал? Но одно только спокойствие в его голосе заглохло искру надежды.

– Давай, – нерешительно согласилась она.

Разговор вышел долгим. Они сидели в машине, оба смотрели в одну точку прямо перед собой и каждый думал о чем-то своем. Или вспоминал. Потом все же заговорили. Обо всем. Начиная от произошедшего накануне, а там уже и о прошлом. Наверное, им все же была необходима некая встряска, чтобы выплеснуть все накопившееся за время совместного быта. Рано или поздно это случилось бы, так как держать все в себе не возможно – чаша терпения имеет свойство переполняться и выплескиваться. В тот вечер Света постаралась уверить себя, что их будущее все же возможно. Никита не говорил или избегал говорить о своих чувствах, и при этом возможно Света в который раз услышала то, что хотелось услышать. Она снова возродила в себе надежду, которая, вероятнее всего, и поддерживала их отношения все время.

Они вернулись вместе. В дом Никиты. В дом его родителей. Света еще раз наступила на себя и молча терпела взгляды в спину, которые стали только острее. Она снова ломала себя. Ради кого? Того, кто воспринимал все как должное. Света тогда это не хотела понимать. Пони-

мать и принимать. Главная ошибка молодости – это извечное стремление все идеализировать, увидеть и сделать лучше, чем есть на самом деле. И это уже не романтизм, а идиотизм, когда в сотый, тысячный раз бьешься лбом о стену непонимания, пытаешься сломать ее и открыть за ней мир прекрасного. Не думая о том, что она может ограждать от того ужасного безнравствия и эгоизма, что сокрыто по другую ее сторону.

Жизнь стала напоминать какое-то сосуществование. С этого момента любое общение прекратилось, даже вежливое приветствие и "как прошел день" стало звучать реже день ото дня. Света старалась не опускаться до уровня совершенно невоспитанного человека, но ее усилия были односторонними и не встречали ответной реакции. Казалось, что возникшее напряжение, витавшее в атмосфере этого дома, можно было потрогать рукой – настолько оно было плотным и давящим. Все делали вид, что подобное положение вещей их вполне устраивает. Но не смотря ни на что Света с упрямой настойчивостью пыталась строить свою семью. Пыталась создать будущее для них и Никиты. Тогда она все еще верила в понятие «МЫ» – она и муж как единое целое. Не было «Я» и не было «Он» – только «МЫ». Света все же искренне надеялась, что и для Никиты она были именно «МЫ» как одно целое, ведь смог же он наступить на свои принципы и попросить ее вернуться.

Все разбилось в один момент. Беспощадно, страшно, разрывая не только сердце, но и душу на миллионы маленьких кровотокающих кусочков, собрать которые воедино уже никогда нельзя было бы. Именно тогда Света и поняла, что это конец. Конец для их семьи. Они подошли к своей точке невозврата.

Никогда не знаешь, какое действие или событие может напрочь все перечеркнуть. Иногда даже самая радостная весть может оказаться тем спусковым крючком, который все изменит.

Маленькая весть, которая должна была стать радостью для двоих, обернулась самым настоящим кошмаром, перевернувшим всю ее жизнь. Просто маленькая весть...

Тот разговор Света не решалась заводить весь день. Она знала, что должна сообщить все с глазу на глаз. Никаких sms, телефонных звонков – именно наедине, чтобы увидеть радость на лице мужа. Но, как оказалось, сделать это было не так-то и легко. Она все никак не могла найти нужных слов, будто что-то мешало. Без аппетита смотрела на свою тарелку с непритронутым ужином и гоняла по ней с одного края на другой маленький кусочек хлеба.

– Ты чего не ешь? – как бы между прочим спросил Никита, не отрываясь от своего ужина. – Случилось что?

– Никита, – нерешительно начала Света. – Никит... Я, кажется, беременна.

Воцарилось гнетущее молчание. Света подняла глаза и заметила, как лицо мужа побледнело и заметно напряглось.

– Ты уверена?

– Да. Сейчас уже да. Я сегодня несколько тестов сделала. – Свету охватило отчаяние, когда она поняла, что мужу эта новость явно не пришлась по душе.

Никита снова принялся за ужин, от которого его отвлекло столь неожиданное известие. Он склонился над тарелкой и замолчал, напряженно обдумывая что-то.

– Мы сейчас не потянем ребенка, – наконец сказал он, все так же не отрываясь от еды.

– Что значит "не потянем"? – теперь настал черед Светы побледнеть. Неужели эта весть настолько неприятна, настолько нежеланна для него?

– Ребенок сейчас для нас слишком дорогая обуза. Ты сядешь в декрет на три года, а мне одному все тянуть?

Света даже сразу не нашла, что ответить. Она растерянно бросала взгляды по углам, не фокусируясь на каком-то одном предмете, а мысли в голове стали метаться, словно шарики от пинг-понга. Может ей все же померещилось его

– Ну... А как же все живут? Это же ненадолго...

– У меня большой кредит висит, – Никита в ярости швырнул вилку на стол, и та с глухим звоном ударилась о столешницу.

– Какой кредит? – едва слышно и не веря тому, что услышала, прошептала Света.

– Мы с отцом решили полностью сделать машину, чтобы она была как новая.

– А почему ты со мной не поговорил? – недоуменно спросила Света.

– Тебя это не касается.

– Никит, мы с тобой ведь семья...

Но он лишь категорично прервал ее, не желая ничего слушать.

– Завтра же утром пойдешь к врачу. Где у нас делают аборт?

Эти слова как острый клинок вонзились в разум, а затем их яд медленно засочился по венам, добираясь до сердца и души.

– Никит, как ты можешь, это же наш ребенок. Твой! – Света пыталась достучаться до мужа, воззвать к его чувствам. Она в отчаянии ухватила за его руку и с мольбой посмотрела в глаза.

Никита лишь откинул ее руку и удивленно посмотрел.

– Как ты себе представляешь нашу жизнь с ребенком? У нас нет ни собственной квартиры, здесь у нас в комнате даже развернуться негде, не то, чтобы детскую кроватку поставить. А на какие деньги ты ему все покупать будешь? На что ты собираешься потом жить? Почти вся моя зарплата пойдет в погашение кредита. А родители не обязаны нас содержать.

Света опустила голову, стерев слезу со щеки. Она все еще никак не могла поверить в то, что слышала. Она отказывалась в это верить. Любимый мужчина не просто отказывается от своего ребенка – он хочет прервать его едва зародившуюся жизнь. Откуда, откуда в нем столько черствости и эгоизма?

– Я не хочу делать аборт. Ты хоть понимаешь, на что меня толкаешь? Это же убийство.

– Сейчас ребенок для нас только обуза.

Весь вечер она пыталась переубедить мужа сохранить маленькую жизнь, дать им обоим шанс на новый шаг в их совместное будущее. Но отражение его глаз говорило само за себя: он не отступился от своего решения. И этот камень преткновения был куда больше и серьезнее, чем пустые обвинения, которые едва не разрушили их семью немногим ранее.

Ночь не смогла увлечь в объятия сна, и Света лишь сидела на подоконнике, разглядывая пустую улицу и урывками смотря на спящего мужа. Он спал спокойно, словно ничего и не случилось. Словно их разговор совершенно не затронул ни одной струны его души. А Света уже в сотый раз задавалась вопросом: неужели он и правда не рад? За то небольшое время, что они были женаты, она ни разу не слышала, чтобы он заводил темы о детях. Даже родившиеся малыши их знакомых и друзей мало его интересовали. Света как-то не обращала на это внимания: многие мужчины не испытывают сентиментальных чувств к чужим детям. Делясь с мужем радостной вестью, она ожидала чего угодно, но только не такого. Что она упустила в нем? Чего не заметила? На что закрыла глаза? Откуда в нем столько эгоизма? Или же это ее вина в том, что любимый мужчина стал таким? Может быть, ему настолько понравилось внимание к себе, что он не желает его ни с кем делить?

В ту ночь Света извела себя беспокойными мыслями. Она так и не смогла сомкнуть глаз. Настал момент, когда ей все же нужно принять верное решение, как поступить, как жить дальше. Если раньше стоял вопрос, сохранять семью или нет, то сейчас все изменилось. Сейчас нужно было решить: отставлять ребенка с отцом или становиться одинокой матерью. Она не даст никому права решать, жить ее ребенку или нет. Он будет жить. А уж в семье с родным отцом или без него – это будет зависеть от самого Никиты. Если он так же будет настаивать на избавлении (ужасное слово «аборт» резало по живому словно нож), то Света уйдет.

Такое решение далось трудно. Бессонной, полной слез, тяжелых размышлений и воспоминаний ночью.

Рано утром она отправилась в женскую консультацию. Еще даже не успев выйти из подъезда, Света услышала позади себя недовольный голос мужа – что ж, этого вполне можно было ожидать.

– Куда собралась?

Она обернулась и как можно увереннее ответила:

– К врачу.

– Хорошо. Я пойду с тобой.

Света лишь пожала плечами. Спорить с ним было бесполезно, а оказаться в эпицентре нового скандала с самого утра она не горела желанием. Развернулась и направилась к выходу из подъезда, когда была резко остановлена за руку. Света с удивлением посмотрела на удерживающую ее руку Никиты, а потом перевела недовольный вопросительный взгляд на него самого.

– Отпусти, – только и проговорила она.

– Этого ребенка сейчас не должно быть, ты меня поняла? – жестко напомнил он тоном, не терпящим возражений.

– Есть сроки, на которых прерывание не делают, – уклончиво ответила Света и увернулась из захвата мужа, но тот вновь поймал ее, резко прижал к стене и ухватил пятерней за лицо, приблизившись почти вплотную, настолько близко, что его дыхание ощущалось на коже.

– Я сказал, этого ребенка не должно быть. Любыми методами. Пока еще за тобой осталось право выбора метода.

От его равнодушного и ледяного взгляда стало страшно и зябко. Света почувствовала, как по спине пробежал озноб. Да что же с ним такое случилось, какой дьявол в него вселился? Она совершенно не узнавала того мужчину, за которого выходила замуж. Тот Никита все же был более человечным, сопереживающим, он интересовался ее мнением, желанием. Они строили свои планы на общее будущее. Тот, что предстал перед ней сейчас, был самым настоящим монстром, у которого напрочь отсутствует чувство милосердия и жалости.

– Я опаздываю, – только и произнесла она.

Оттолкнув от себя Никиту и не найдя препятствий с его стороны, Света направилась в консультацию. Мужчина следовал рядом с ней, не отставая ни на шаг. Весь путь они проделали в тягостном молчании, каждый в своих мыслях. Перед самыми дверями Никита снова остановил ее, ухватившись за локоть и, больно впившись пальцами в кожу, развернул к себе лицом, предупреждающе взглянув. Света совершенно не удивилась тому, что он вошел в кабинет следом за ней. Судя по тому, что доктор его не выгнал из кабинета, можно было понять, что такие посещения врача парой были в норме. Ей оставалось только надеяться, что Никита, с его патологической неприязнью к выражению чувств и эмоций на публике, не устроит здесь сцен. С огромным стеснением и под неодобрительный взгляд врача она отвечала на все вопросы, а потом направилась на УЗИ.

– Один плод, размер соответствует семи неделям... Сердце прослушивается... – врач водил датчик по животу и вглядывался в экран дисплея, немного хмурясь.

– Доктор, мы не будем сохранять этого ребенка, – вмешался совершенно спокойный голос Никиты. – У вас делают подобные операции?

Кровь ударила в виски, а сердце бешено забилось о ребра. Как все же может быть человек настолько черств и жесток, чтобы избавиться от собственного ребенка? Если ему он не нужен, то для нее малыш станет желанным. Он сделал выбор за нее: пусть растить его придется одной, все ж лучше, чем с таким отцом, который абсолютно не хочет его появления на свет и готов на любые ухищрения, чтобы этого не произошло.

– Я буду сохранять беременность, – твердо ответила Света, поднимаясь с кушетки.

– Мы все обговорили с тобой еще вчера... – тихим вкрадчивым голосом, не предвещающим ничего хорошего начал Никита.

– Я не стану делать аборт. Если тебе не нужен ребенок, тогда я сама буду растить его.

В глазах мужа Света уловила блеск ярости. А это означало, что ничего хорошего ждать ей уже не приходится.

– Извините, – подал голос доктор, – такие операции делаются только с личного согласия женщины. И вас, мужчина, я попрошу выйти из кабинета. Вы мешаете вести прием. – Видя, что он даже не обратил никакого внимания на сказанное, доктор повторил строже. – Покиньте кабинет.

После того, как Никита с неохотой вышел и закрыл за собой дверь, доктор принялся заполнять карту, давая Свете возможность чуть успокоиться. Ее всю трясло, и бросало то в жар, то в холод, а в висках громко и неприятно застучал пульс. Что-то подсказывало, что Никита так просто не простит ее неповиновение.

В довершение ко всему началось сильное головокружение. Доктор что-то расспрашивал о стрессах, еще о чем-то, но его слова растворялись в непонятном шуме, звучащем в голове. Последнее, что Света смогла запомнить, это приближающийся пол и громкий голос доктора, зовущего медсестру.

Белые стены и резкий запах медикаментов. Это было первое, что увидела и почувствовала она, когда открыла глаза. Тело как-то слабо реагировало на желание хоть немного пошевелиться. И очень хотелось пить. Света едва удерживалась в сознании, с трудом держала тяжелые веки открытыми и все пыталась понять, где она находится. В какой-то бесформенной сорочке, укрытая теплым одеялом, натянутым почти до плеч, девушка понимала, что скорей всего она находится в больнице, но что произошло?

Вскоре заглянула медсестра. Заметив, что пациентка пришла в себя, она торопливо вышла, и пару минут спустя пришел доктор. Он присел на стул напротив и деликатно, выжидающе посмотрел на нее.

"Что?" – пронесся тогда вопрос в сознании. Было отчего-то страшно. Последовавшие слова доктора лишь подтвердили ее опасения.

– Как вы себя чувствуете? Головокружение, жажда?

– Что со мной случилось? – пересохшие губы едва шевелились. Ее очень тревожило такое состояние. Малыш... Как это сказалось на ее малыше? Не причинило ли ему вреда?

Доктор взял ее руку и накрыл сверху ладонью, успокаивающе похлопывая и поглаживая. Его сочувствующий взгляд только усугублял тревогу. По телу пробежал нервный озноб.

– К сожалению, у Вас случился выкидыш.

Света неверяще впиалась взглядом в глаза доктора. Внутри что-то ухнула и громко с болью оборвалось. Как будто кто-то наотмашь ударил по больному острым лезвием. Она отказывалась верить в услышанное. Нет. Только не с ней. Только не с ее малышом. Пусть это будет неправда. Пусть это будет ошибка, досадная оплошность врача... Да что угодно, лишь бы только малыш был жив.

– Отслоение плаценты более, чем на три четверти, – доктор развел руками, – вы не смогли бы сохранить эту беременность.

Глаза заволокло едкими слезами, все вокруг стало расплываться и терять очертания. Так же, как и жизнь стала терять всякие краски. У ее малыша не было ни единого шанса? Ни одного? Совсем даже крошечного?

– Доктор, неужели нельзя было...? – завершить фразу она так и не смогла, не было сил. Тот виновато покачал головой.

– К сожалению. Вы пришли в консультацию в сильнейшем стрессе. Скажите, может еще в последнее время были какие-то большие физические нагрузки? Аэробика, иные интенсивные

занятия или тяжелые предметы переноси, сумки? Это все могло сказаться на вашей неудавшейся беременности.

Занятий уже давно никаких не было – Света не решалась потратить лишнюю копейку на себя, так как не хотела выслушивать осуждение Никиты. А вот тяжелые предметы... В последний месяц ей и правда пришлось одной носить очень тяжелые пакеты, возвращаясь из магазина домой. Никита задерживался на работе допоздна, и рассчитывать на его помощь не приходилось. Она замечала появившуюся сонливость и слабость в организме, но списывала все на накопившуюся усталость. Отчего-то даже в голову прийти не могло, что это может быть беременность. Внезапное осознание забилося, словно раненая птица, ломая и раздирая крыльями душу: она убила своего ребенка. Неосознанно. Но это ее вина. Она сама. Сама. Убила. И теперь словно сама умерла вместе с ним. Чего ради жить? Чего ради бороться? Та маленькая жизнь, которая в один момент стала всем смыслом, так же в одночасье оборвалась, утянув ее саму вместе с собой.

– Я не вижу смысла Вас оставлять в больнице надолго, – продолжил доктор, – поэтому, если Вас ничего не беспокоит, сегодня можете возвращаться домой. Ваш муж ожидает в приемном покое.

Упоминание о Никите сейчас отчего-то не вызвало ни одной эмоции. Совершенно ни одной.

Доктор ушел, оставив ее одну и давая время прийти в себя. По щекам текли слезы: так плакало сердце – горячими, горькими слезами. Света положила руки на живот, и ее всю затрясло. Там, внутри, стало пусто. Словно кто-то надул шарик и поместил туда, забыв добавить самое главное – жизнь. Ей казалось, что там совершенно ничего не осталось. Она теперь стала словно манекен: есть оболочка, но внутри абсолютная ужасная пустота...

Никита встретил ее внизу, протянул ее вещи. Нужно отдать ему должное – он выглядел очень встревоженным.

– Как ты? – спросил он.

Света лишь взглянула на него, приняла из его рук куртку и больше не обернулась в его сторону. Не удостоила даже ответа. Сейчас ей нечего было ему сказать. А он и не настаивал на разговоре.

Вернулись домой все в том же тягостном молчании, каждый погруженный в свои мысли. О чем думал муж, Света даже и догадываться не хотела. А вот ее мысли совершенно были пустыми. Лишь только раз она задалась вопросом: кто это был – мальчик или девочка. Отчего-то она была уверена, что это была девочка. Какое-то внутреннее чутье подсказывало.

Дома ее словно никто не замечал. Чему, собственно, она была нескончаемо рада. Тихо ушла в свою комнату, легла на постель, отвернулась к стене и, прижав колени к груди, обхватив себя руками, просто лежала. Не хотелось ни с кем разговаривать, что-либо объяснять. Где-то в сумке разрывался телефон. Судя по мелодии, звонила мама. Она потом ей перезвонит. Может вечером, а может только завтра. Света лежала и уже не обращала внимания на беспрерывно катившиеся по щекам слезы. Куда тяжелее было не обращать внимания на образовавшуюся внутри пустоту.

К вечеру Никите, видимо, надоел ее жалкий вид. Он сел рядом с ней и попытался завести разговор.

– Так и будешь весь день тут лежать. Пошла бы поела чего.

– Не хочу ничего, – едва слышно ответила она.

– Кончай уже ныть, – холодно произнес Никита, – хватит. Все уже свершилось.

Света резко села на постели и непонимающе посмотрела на мужа. Он произнес все это таким тоном, будто она не ребенка потеряла, а всего лишь носовой платок. Совершенно безразлично.

- Я не ною, – отчеканила она каждое слово. – Как ты можешь быть таким?
- Каким?
- Таким бесчувственным и жестоким? Неужели тебе все равно?
- Что жалеть, когда уже ничего не исправишь? – с легким удивлением ответил Никита. – Тебе станет легче от этого?
- Ты кого-нибудь любишь еще, кроме самого себя? – задала вслух вопрос Света, хотя нужен ли ей был его ответ?

Ответ она получила через неделю. Совершенно нечаянно. Решив вечером проверить электронную почту, она стала искать нужное ей письмо с контрактом, которое нужно было ей по работе. Не глядя на адресата, она открыла письмо с пометкой «Срочно!» и сначала не поняла ничего. А потом она сверила адрес электронного ящика и поняла, что это Никита забыл закрыть свою почту. В том письме какая-то девушка сообщала, что она была у врача и ее подозрения о беременности подтвердились, а ее муж отвечал, что рад этому. Света открыла историю переписки и с удивлением обнаружила, насколько та обширна.

Никиты еще не было дома. Да это было и к лучшему. Она оставила компьютер включенным с открытой перепиской мужа и незнакомки, затем просто покидала вещи в сумки, забрала все свои документы и решительно вышла в коридор. Родители мужа недоуменно посмотрели на нее. Конечно же они были в курсе неудавшейся беременности, но благоразумно молчали об этом, не задавая лишних вопросов. Хотя, может быть, они так же, как и их сын, были рады этому.

- Ты куда-то уходишь? – спросил свекор.
- Да, – решительно, но все же чувствую неуверенность и некую вину за собой, ответила Света. – Я думаю, так будет лучше. Тем более, что Никита уже завел новую семью. Надеюсь, что другого его ребенка не постигнет та же участь, что и моего. Спасибо вам за все.
- Куда же ты на ночь? – развела руками мать Никиты.
- Я переберусь к маме. А там видно будет.

За спиной захлопнулась дверь подъезда. Темно. Так же, как и в тот первый раз, когда она думала уйти от мужа. Так же холодно, даже снег начал идти. Света подняла лицо к черному небу, с которого сыпались маленькие снежинки, и зажмурила глаза, ощущая прикосновение холодных замерзших капелек к коже. В этот раз не было ощущения, тянущего назад. Наоборот, пришло понимание, что все сделано правильно. Это был конец. Жирная точка в их отношениях. После всего того, что сделал Никита, она больше не могла ему ни верить, ни доверять. Маленькая искорка любви к нему, что теплилась после возвращения, навсегда погасла в ее душе.

Забросила вещи в машину и без сожалений уехала прочь.

Глава 4

Нельзя сказать, что уехала без сожалений и с легкой душой – нет, Света еще долго не могла успокоить разволнованную душу, пыталась отогнать невесть откуда взявшееся чувство вины и сожаления. Но в этот раз все же переборола себя и поставила точку. Жирную точку в этих отношениях. Да и можно ли это было назвать отношениями? Так, недоразумение какое-то, жалкая пародия на семейную жизнь.

Нужно отдать должное маме – Вере Ивановне. Она стала настоящей опорой для дочери в тот нелегкий момент. Наверное, еще никогда в жизни мать и дочь не были настолько близки друг другу, как в то время, когда Света покинула дом мужа и вернулась в свой родной, всегда гостеприимный, уютный дом. Всю ночь они просидели вместе, сначала за чашкой крепкого кофе, а потом и за рюмкой крепкого коньяка, который, к слову, Света не любила и это был единственный случай, когда кроме него ничто не помогло бы. И долгие-долгие разговоры. Не было от мамы скучных и раздражающих нотаций "я так и знала, чем это закончится", "я всегда говорила, что он тебе не пара"... С этого момента мама стала лучшей подругой, с которой не страшно было поделиться и на плече которой можно было поплакать. Но самое главное, что после возвращения Света почувствовала, пусть и не сразу, как задушенная уверенность в собственных силах вновь возвращается к ней.

Все вернулось в прежнее русло. За тем лишь исключением, что теперь она стала на маленькую жизнь взрослее. И мудрее. Света и сама это заметила. Стала смотреть на многие вещи по-другому. Появилась какая-то жизненная позиция, приоритеты. И требования. Как к самой себе, так и к окружающим. Нет, не какие-то немыслимые наборы условий, но все же достаточные для того, чтобы больше не допустить присутствия рядом с собой таких вот Никит с его семьей.

Думала ли она все это время о бывшем муже? И думала, и вспоминала. Не так просто выкинуть из памяти несколько лет знакомства и каких-никаких, но отношений. И пусть он причинил ей боль, но порой так трудно, почти невозможно запретить себе вспоминать. Как ни контролируй себя, но иногда сущая мелочь может всколыхнуть что-то внутри, задеть за что-то, что, оказывается, все еще болит. В такие моменты становилось тоскливо и печально. Но жизнь никогда не стоит на месте, и любая пустота обязательно рано или поздно должна чем-то заполниться – таковы законы природы.

Для того, чтобы понять и принять тот факт, что их с Никитой семьи больше нет, потребовалось время. Четыре месяца. Все эти четыре долгих месяца Света не решалась не то, чтобы увидеться, но даже просто позвонить или прислать сообщение с одним простым вопросом: когда они смогут оформить развод на бумаге. Уж если ставить точку, то уверенную, чтобы отрезать все пути к отступлению. Оказалось, это не так просто увидеться с бывшим мужем. За четыре месяца с момента ухода Света не находила в себе сил для этого шага. А когда поняла, что готова встретиться с Никитой с глазу на глаз и подписать все необходимые документы о разводе, то не смогла найти бывшего мужа. Он исчез. Пропал в прямом смысле слова. Его родители ничего внятного по телефону объяснить не смогли, и Свете пришлось собрать волю в кулак и наведаться к ним домой.

Некогда привычные улица, дом и двор, обшарпанный подъезд остались все такими же. За прошедшее время боль не унялась, просто острые края ее затупились, но все еще было тяжело возвращаться сюда. В место, где жили все тяжелейшие воспоминания. В место, где была загублена не только ее жизнь, но и так трагично оборвавшаяся жизнь ее не рожденного малыша. Она ни на мгновение не забывала об этом. Научилась жить с этой болью, но не забывала. Никогда.

Несмотря на то, что был вечер, дома Света застала лишь мать Никиты. Женщина искренне обрадовалась приезду бывшей невестки, пригласила ее на чай, и Света из вежливости не смогла отказаться от гостеприимства. Из разговора она поняла, что после ее отъезда Никита долго не задержался в родительском доме и спустя неделю-полторы забрал нужные вещи и уехал. Он объяснил, что переезжает к своей новой девушке. Как ни старалась Света сдержаться, не обращать внимания, но все же ее больно задело это: с той, другой, Никита хотел жить отдельно, готов был бросить все родительские блага, а ради их отношений он и пальцем не пошевелил. Чем лучше его любовница, если ради нее он поступился своими принципами? Но все же, зная Никиту, Света была склонна думать, что ломать себя ради кого-то бывший муж не стал бы, скорее всего все дело было просто в наличии этих самых благ у той женщины. Отдельная квартира? Машина? Деньги, связи? Все было возможно... Но Свете уже не хотелось об этом думать. Теперь это уже не имело значения.

Куда пропал Никита, Света так и не поняла. Его мать на тот момент сама не знала ничего – связь с сыном просто оборвалась. Он сам словно вычеркнул всех из своей жизни. Знакомить родителей со своей любовницей он не торопился, какой-то информации ни о ней, ни о том, где будет жить, работать, он тоже не оставил. Быть может после Светино ухода здесь что-то и произошло, но теперь ее это не касалось. Теперь это было только их семейным делом. А ей хотелось как можно скорее не только фактически, но и юридически перестать быть связанными с ними.

Немного поддержав вежливую беседу, Света попросила передать при возможности Никите ее просьбу об оформлении развода. Ей не нужно было ничего, собственно, никакого совместного имущества они и не нажили, и делить им было нечего.

Покидала она этот дом со смешанными чувствами: с одной стороны, понимала, что здесь ее ничто уже не держит, и все же сколько раз придется еще возвращаться сюда, пока не будут улажены все бракоразводные нюансы? И совсем не давал покоя один-единственный вопрос: если Никита начал новые отношения, в которых уже даже был зачат ребенок, если там ему оказалось лучше, чем с ней, отчего он не торопился оформлять развод?

Долгое время никаких звонков и вестей ни от Никиты, ни от его родителей не было, и Света уже стала беспокоиться. Она была решительно настроена жить дальше, не оглядываясь на прошлое, но, будучи связанной узами брака по букве закона, просто не желала рисковать ни сорванными нервами, ни имуществом. И тем более ее пугала перспектива отвечать по возможным долгам бывшего мужа.

Все прояснилось только спустя пару месяцев, когда Свету вызвали на допрос в следственные органы в связи с совершенным Никитой убийством. Той самой своей любовницы, которая ждала от него ребенка. Все оказалось до жестокой банальности просто и гнусно: юная девушка забеременела от состоятельного кавалера, но он уже был женат и ребенка на стороне признавать не хотел. Чтобы скрыть позор от родителей, девушка закрутила роман с Никитой и выдала чужого ребенка за его. Что именно сподвигло семью девушки принять брак с незнакомым им человеком, Света даже знать не хотела, а вот причина, по которой Никита переметнулся к другой, была вполне очевидна: отец девушки был весьма состоятельным человеком и для своей дочери не пожалел бы ничего, лишь бы та ни в чем не нуждалась, а следовательно, и своего зятя он не оставил бы в стороне. Единственное, что Света так и не смогла понять, отчего Никита не захотел официально расторгнуть с ней брак? Почему он сознательно шел на двоеженство? Как бы то ни было, спустя некоторое время настоящий отец ребенка юной особы изменил свое решение и признал отцовство. О чем девушка сообщила жениху, не забыв упомянуть и о разрыве их отношений. Света была просто ошарашена таким поворотом событий. Это казалось какой-то нелепой сумятицей, чудовищной ошибкой. Она никак не могла поверить в реальность произошедшего. Да, Никита мог быть жестоким, эгоистичным в своих поступках и желаниях,

но чтобы лишить жизни человека... Живого, стоящего рядом, возможно даже что-то значащего для него... Ей было безумно жаль. Жаль, что Никита опустился до такого. Жаль, что пострадала девушка с ни в чем не повинным малышом, так и не увидевшим свет, как и их собственный ребенок. Жаль, что принесены страдания как семье девушки, так и семье самого Никиты. Нелепо. Трагично. Безвозвратно. Никита собственными руками перечеркнул всю свою жизнь. Как бы ни хотела отстраниться Света от происходящего, но оставаться абсолютно равнодушной она не могла – он все-таки не был для нее посторонним человеком и, несмотря на обстоятельства их расставания, где-то в глубине души ей всегда будет не безразлична судьба этого человека.

Никита не давал своего согласия на развод. Он не желал идти ни на какие контакты и ничего не объяснял. Потому Свете пришлось ждать, когда закончится вся судебная тяжба и будет вынесен окончательный приговор, чтобы получить возможность в одностороннем порядке оформить расторжение брака.

Девять лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима – таков приговор Никите. С тех пор Света не видела и не получала никаких вестей ни о нем, ни от него. Она оформила развод и вздохнула полной грудью, чувствуя, что наконец-то эти тяжелые оковы спали с нее. Теперь можно было начинать новую главу жизни.

Глава 5

Кто сказал, что начать новую жизнь легко? Любое, даже малейшее изменение влечет за собой целую цепочку новых неожиданностей, которые при прежних обстоятельствах вряд ли случились бы. Что такое, по сути, перемена своей жизни? Это перемена самого себя. Огромный труд и огромный самоконтроль. Меняется не окружающий мир – меняется что-то внутри себя самого, восприятие всего происходящего. Эти изменения не происходят в одночасье, порой требуется не один месяц или год, чтобы отпустить прошлое, проститься с ним и со спокойствием принять изменения, открывающие дорогу в новое будущее.

Иногда судьба сама словно толкает к переменам, задает направление, которое, в конечном итоге, приведет к своему счастью. И пусть тот путь будет извилист, тернист, а порой и долог. Но кто сказал, что будет легко? Лишь только так можно поистине узнать цену этого дара судьбы.

Сделать новый шаг было тяжело, еще тяжелее оказалось видеть руины своих несбывшихся надежд. Хотя Вера Ивановна с радостью приняла дочь, хлопотала, стараясь лишний раз не напоминать о случившемся, Света не могла спокойно переносить ее полный сочувствия взгляд и тяжкие вздохи украдкой. Понимала, что мама страдает не меньше ее самой, переживает, воспринимая все случившееся близко к сердцу. Было невыносимо видеть, как собственные проблемы огорчали маму, как она тайком принимает успокоительное и жалеет, жалеет, жалеет... Не хотелось жалости к себе. Ничьей. Тем более маминой. Она ведь сильная, а жалость – доля слабых и сломленных, к коим Света себя никак не относилась, ведь Никите все же не удалось сломить ее.

Долго задерживаться у мамы она не стала. Сняла квартиру и переехала. Фактически она перебралась в новую жизнь. Открыла новую страницу, начала новую главу. Еще не зная, что будет впереди, но уже уверенная, чему там не должно быть места. В первую очередь, хотелось дать понять маме, что все уже в порядке, прошлые тревоги отступили и ей не стоит больше переживать. Не сделав решительного шага вперед, невозможно уйти от прошлого.

Одно изменение влечет за собой другое. Через несколько месяцев после переезда на новое место жительства Света поменяла и работу. И потянулась спасительная рутина. Бесконечные переговоры, контракты, новые деловые знакомства...

– Светлана Александровна, я попрошу Вас заняться контрактом с «Витязем». – Начальник, мужчина средних лет, с уважением принял новую сотрудницу и вскоре смог убедиться в правильности своего выбора. В среде своих клиентов и коллег она очень быстро снискала уважение. Всегда вежливая, с неизменной доброжелательной улыбкой на лице, она с одинаковым уважением относилась к каждому из своих посетителей и получала в ответ столь же вежливое отношение. И уже спустя несколько месяцев после приема на работу руководство доверяло ей вести важные деловые сделки.

Света бегло осмотрела предоставленные начальником документы, а затем сделала пометки в своем ежедневнике.

– Хорошо. Срок, правда, поджимает, но я постараюсь не задерживать, – с неизменной улыбкой ответила она.

– Здесь ничего сложного нет, – сразу пояснил начальник, – подобные контракты заключались и ранее. Только сейчас охранный фирму другая, у них свои нюансы. Кстати, на этой неделе

подъедет представитель «Витязя» обсудить детали. Я попрошу Вас обязательно поучаствовать в переговорах.

– Хорошо, Сергей Иванович. Я ознакомлюсь с этим вопросом и подготовлю все.

Спеша по коридору в зал переговоров, Света остановилась в приемной, заметив еще несколько человек, явно ожидающих намеченной встречи. Сверившись с часами, она подошла к секретарю осведомиться о приходе начальника и, получив ответ, отошла в сторону ожидать начала переговоров. Мужчины в приемной что-то увлеченно обсуждали. Света бегло посмотрела в их сторону и уже хотела снова отвернуться, но взгляд непроизвольно остановился на одном из них. Краска смущения тут же залила ее щеки, и она поспешила отвернуться. А память услужливо стала подкидывать маленькие обрывки воспоминаний.

Еще долгое время какое-то внутреннее оцепенение сковывало ее. Она не замечала ничего вокруг. Полностью обращенная в себя, пробежала мимо всего. Возвращение к жизни было незаметным. Маленькими шажочками, едва различимыми, оно постепенно осветило красками все вокруг, придало очертания, вызывало интерес. Вот каждое утро ее встречает консьерж в подъезде, вежливо здоровается. И почему Света раньше не замечала, какие замечательные картины та вышивает, пока сидит на смене? Вот соседка каждое утро выходит вместе с ней. Какие замечательные клумбы она посадила возле подъезда. А вот по пути на стоянку мужчина ведет в садик двоих мальчишек. Разве она обращала внимание, как все трое каждый с задорным шумом проходят мимо нее. Что-то в их идиллии словно разбудило ее, выцепило из пелены сна и вернуло в реальность. И Света стала ловить себя на мысли, что она с интересом приглядывается к ним, невольно ожидая новую встречу. Наверное она слишком уж откровенно наблюдала за ними, потому как вскоре при встрече с этой троицей стала ловить на себе их любопытные взгляды. Смущенная таким вниманием, Света постаралась избегать лишней встречи, но порой судьба и случай играют в шутки с людьми, и новые пересечения становились лишь чаще: в магазине, недалеко от дома, бывало даже в парке, по которому Света любила прогуляться в свободный вечер. Эта семья оказалась большой: трое маленьких детей, одному из которых еще и года не было, а двое старших мальчишек беспрестанно бегали вокруг родителей, то и дело убегая от мамы и мгновенно затихая от голоса папы. Света любовалась этой семейной идиллией, понимая, что именно о такой дружной семье всегда и мечтала. Ее папа рано умер, и мама одна воспитывала маленькую дочь, разрываясь между необходимостью обеспечивать достойную жизнь им обоим и стремлением быть рядом со своим ребенком. Света почти и не помнила, что значит быть с папой, каково это просто пройти с ним за руку или допоздна заговориться на кухне за чашкой-другой крепкого кофе. Подсознательно у нее сформировался свой идеальный образ семьи, такой, где есть мама и папа, а вокруг них бегают маленькие детишки.

Скинув с себя оцепенение видений, Света смущенно отвернулась и поспешила отойти на значительное расстояние от прибывших на переговоры мужчин. Она украдкой бросила взгляд через плечо и не смогла не заметить, как один из них откровенно явно смотрит на нее, попутно выслушивая своего собеседника. Ее щеки тут же вспыхнули предательским румянцем. Нет, безусловно, судьба играла с ней в шутки. Даже здесь, на другом конце Москвы она снова пересеклась с ним. С этим идеальным образцом отца большого семейства.

Эти переговоры были самыми напряженными в ее карьере. Как специалист своего дела, Света вполне легко проводила деловые сделки, дискутировала и порой даже доказывала, вступая в спор. В такие моменты она была полностью погружена в решаемый вопрос. Но в этот раз глаза напротив сбивали ее с делового настроя, вводя в смущение. Ей определенно стоило

сесть в другом месте, чтобы не ощущать на себе прямолинейные взгляды. С ума сойти, она смущалась, как девчонка. Сидела и отсчитывала время до окончания переговоров. Сама себя не понимала, отчего же такая реакция на этого мужчину.

– Отлично, – начальник встал со своего места и протянул мужчинам руку для пожатия, – Надеюсь, наше сотрудничество будет долгим и успешным. Вы можете пройти со Светланой Александровной и уладить оставшиеся формальности.

Света замерла от мысли о том, что ей придется одной завершать переговоры, а, значит, еще какое-то время провести в обществе этого мужчины, и подняла нерешительный взгляд на начальника.

– Мне уже пора уезжать, – ответил он, – через полчаса публичные слушания. Думаю, с бумажной волокитой вы управитесь и без меня.

Распрощавшись с новыми партнерами, Светин руководитель поспешил к выходу, оставив ее самостоятельно завершать переговоры. Старательно избегая встречаться взглядом с ее невольным «знакомым», она вежливо предложила пройти в кабинет для продолжения совместной работы. Второй мужчина отвлекся на телефонный вызов и тут же, вежливо извинился:

– Я прошу прощения, но у нас небольшой форс-мажорчик, – эти слова были брошены скорее его коллеге, – что-то произошло в офисе на Тверской, нужно приехать на место. Светлана Александровна, мой зам в курсе вопросов по нашему контракту, поэтому мое присутствие не обязательно сегодня.

Совершенно теряясь и путаясь в своих мыслях, Света пыталась сосредоточиться на работе, гоня прочь всякую ерунду из головы. Все так же, практически не поднимая глаз на собеседника, она принялась подготавливать документы, стараясь доделать все поскорее и завершить эту встречу. Боже, что же с ней творилось в тот день?

– Простите, пожалуйста, Вы не напомниме свое имя? – она конечно же запомнила его имя. Просто сейчас ей было необходимо хоть как-то занять гнетущую тишину, еще больше сводящую с ума от непосредственной близости с этим человеком.

– Константин. – Он слегка улыбнулся, и Света с большим усилием заставила себя не отвести взгляда. – Константин Авдеев. Можно без отчества.

Еще одна маленькая улыбка, и в этот день Света больше не могла ни на чем другом сосредоточиться.

Глава 6

Наверное, стоит задуматься, если судьба целенаправленно сталкивает нас с кем-то. Какую роль сыграет этот человек в нашей жизни? И можно ли обмануть самого себя, старательно избегая этих встреч?

В силу делового сотрудничества Свете приходилось в первое время едва ли не каждый день общаться с новым партнером, в частности с Константином, который был ответственным исполнителем по данной сделке. Ежедневные переговоры по телефону, частые совместные совещания и обсуждения каких-то рабочих деталей – все это до предела выбивало Свету из колеи. Чем больше она старалась избегать лишних встреч с ним, тем чаще их пути пересекались. Оказалось, что не так-то просто оставаться незамеченной для кого-то, если живешь с ним на одной улице. А потому Свете пришлось перекроить свое привычное расписание, чтобы избегать неловких для себя моментов встреч и взаимных заинтересованных взглядов.

Только все время прятаться невозможно и рано или поздно их пересечение вне круга делового общения должно было бы случиться. И конечно же в самый неподходящий момент.

Света никогда не забудет своего растерянного состояния в тот день. Вечером предыдущего дня ей пришлось отогнать машину в автосервис, и с раннего утра она ожидала на остановке свой автобус, который, к пресловутому закону подлости, где-то задерживался. Снова сверившись с часами на своем тонком запястье, Света нервно застучала носком своих сапог по тротуарной плитке: если так и дальше пойдет, то она точно опоздает на работу. А вызывать такси, скорей всего, было уже поздно.

– Если Вы на работу, то я могу Вас подвезти, – услышала она знакомый голос. Обернувшись, она увидела недалеко от себя Константина. Он приветливо ей улыбался, и эта улыбка так шла ему. – Ну так как?

Света с сомнением посмотрела на часы, а потом на дорогу. Автобуса даже видно и не было, а потому, чтобы не опоздать на работу, ей пришлось, хоть и с огромным нежеланием, но согласиться.

– Спасибо, – слабо улыбнулась она в ответ, делая робкие шаги навстречу, – Вы меня очень выручите.

Константин галантно открыл перед ней дверь своего авто, а потом, дождавшись, когда она устроится, занял свое место за рулем. Едва он закрыл свою дверь, Света поняла, в какую неловкую ситуацию попала: в замкнутом пространстве автомобиля они были просто до невозможности близко друг к другу. Она неловко замялась, не зная, что сказать, и решила просто смотреть в боковое окно.

– Вы знаете, Вам, видимо, сегодня все же повезло, – бодро произнес мужчина, – у меня возникла необходимость подъехать в Ваш отдел, чтобы подписать акт о выполненных работах, иначе, пришлось бы долго стоять в ожидании автобуса. Сегодня большие пробки на дорогах.

– Да, Вы правы, – не уверенная в степени своей везучести, ответила Света, – обычно мне не приходится так долго ждать.

– А что случилось с Вашим автомобилем?

– Его пришлось отвезти в автосервис, – ее ответы получались слишком односложными, но перебороть свою робость от столь близкого присутствия этого мужчины Света не могла.

– Что-то серьезное?

– Учитывая, что для меня даже поменять колесо в своем авто – дело сложное, то да, можно назвать серьезным, – попыталась отшутиться она. – Стали резко падать обороты. А почему такая срочность с актом? – Света постаралась сменить тему, чтобы хоть немного почувствовать себя увереннее. – По договору срок был установлен до конца следующей недели.

– Просто решили не затягивать. Надолго Ваши мучения в общественном транспорте планируются? – Константин явно не был настроен на деловую беседу и продолжил общение на отвлеченные темы.

Лишь только в офисе Света смогла перевести дух и немного скинуть напряжение. Здесь она чувствовала себя намного увереннее, оградившись деловым этикетом, словно невидимой стеной. Правда, потом весь день ей казалось, что коллеги о чем-то перешептываются и слишком уж любопытно поглядывают в ее сторону. Или это только казалось?

На другой день, чтобы не испытывать ни судьбу, ни себя снова, она выехала на работу почти за час до запланированного. Однако Константин больше не приезжал. И нечаянных встреч с ним или с его семьей тоже не было. Спустя месяц Света уже ловила себя на мысли, что она невольно ищет в лицах прохожих знакомые черты. Это было каким-то безумием. Навязанием. Сейчас, с дальности прошедших лет, она понимала, что так вырастали ее чувства: из маленькой симпатии, из маленькой необходимости просто хотя бы раз в день увидеть его, – а тогда это казалось каким-то бедствием, словно вирус, проникший в кровь. Она постоянно ругала себя за то, что ее мысли часто прокручивают моменты их встречи, а память воспроизводит его образ. Но ничего поделать с собой не могла.

Однако на сердце все еще не зажила ноющая рана от предательства Никиты. Света все еще помнила, как это больно, когда муж, так необходимый в трудную минуту, пусть даже минуты эти были омрачены разногласиями, заводит на стороне другую женщину. Он просто отстраняется от семьи, ищет себе место там, где легче, где ему не нужно будет думать о насущных проблемах, и где все будет прекрасно и уютно. Однажды оказавшись в роли обманутой жены, Света не пожелала бы никому пережить подобное. А уж тем более, выступать самой в роли любовницы, уводящей из семьи чужого мужа, отца троих детей... Нет, ее совесть никогда такого не позволит. К тому же что помещает мужчине, способному уйти от семьи, от маленьких детей, сделать то же самое во второй, пятый, десятый раз? Снова наступать на те же грабли? Подсознательно ждать нового предательства? И жить день ото дня, прилагая невероятные усилия, чтобы поддерживать интерес к себе? Найдет ли она вновь силы в себе? И стоит ли это того? Ну а совладать со своими эмоциями и чувствами она сможет. Как-нибудь. Пока это не приняло совсем уж одержимого характера.

Видимо, время и правда, самый лучший лекарь и устроитель. За все те дни, что они с Константином не виделись, Света сумела привести мысли в порядок, убедив себя, что это лишь простой отклик женской сущности на маленькое внимание мужчины – то, чего она была лишена в браке с Никитой. День ото дня она повторяла это себе, пока равнодушная апатия снова не одержала верх над разумом и чувствами. Иногда Света сама себе напоминала бездушное существо, робота, запрограммированного на выполнение одних и тех же функций и лишённого права на личное существование. Да и хотела ли она сейчас это самое личное существование? Возможно ли обрести свое счастье в мире, где все рассматривалось через призму взаимовыгодных расчетов и не было места простому бескорыстному чувству, когда хотелось отдавать родному и любимому человеку всю свою душу и знать, что ее не растопчут и не выкинут? Она настроила себя на то, что все те эмоции, которые так некстати пошатнули ее спокойствие, больше не сумеют сбить ее с правильной дороги. Уверила себя, что при последующей их встрече, если таковая и состоится, сможет уже спокойно реагировать на этого мужчину и общаться с ним.

Почти полтора месяца работы над собой полетели крахом, едва только стоило Константину появиться в отделе. Он умел привлечь к себе внимание так, чтобы любой собеседник почувствовал, будто это именно ему было адресована его доброжелательная улыбка и приветствие. На удивление, он мог легко найти общий язык со всеми. Скорей всего, сказывался опыт воспитания троих детей. Света еще раз одернула себя – ей не стоило забываться.

– Вы такой загоревший, – Наталья Ивановна, сослуживица Светы, уже успевшая привыкнуть к новому клиенту и с легкостью нашедшая с ним общий язык, и на этот раз мило щебетала с Константином, – отдыхали где-то? Вас давно не было видно.

– Да, – он послал женщине очаровательную улыбку, а затем обернулся к Свете, словно объясняясь именно перед ней, – была пара недель отпуска. А он, как известно, очень быстро заканчивается. Собственно говоря, я по какому вопросу приехал... Необходимо, чтобы кто-то из ваших специалистов подъехал с нашими сотрудниками посмотреть целостность помещения после взлома.

– Если Сергей Иванович не будет возражать, то возьмите с собой Светлану, – сразу же парировала Наталья Ивановна, – потому что у меня сейчас планерка будет, а ей необходимо уже отдохнуть от бумаг.

Света, не ожидавшая подобного, заметно напряглась. Помещение, которое взломали минувшей ночью, находилось на другом конце города, а потому, с учетом дневных пробок, добраться туда получится в лучшем случае через час. Эта поездка станет проверкой ее силе воли. Однако, она зря волновалась: никаких волнений или смущений в этот день она не почувствовала. Их совместная проверка прошла в рабочем режиме, как с любым другим партнером, и Света мысленно уверила себя, что ей действительно просто померещилось некое влечение к этому мужчине, так же как и его интерес к ней.

Все вернулось на круги своя... Вот только в душе образовалась какая-то зыбкая пустота, которая, словно черная дыра в просторах вселенной, затягивала в себя все живое, не оставляя после себя ничего. Эта пустота называлась одиночеством. В те редкие минуты откровения самой с собой, Света признавала, что день ото дня это одиночество становилось тяжелее. Прежде неподвластное желание отыскать среди сотен лиц одно-единственное, хоть раз услышать завораживающий голос наполняло эту пустоту. Но не сейчас, когда она заставила себя вычеркнуть эти мысли из головы. Своими усилиями она сама загоняла себя в холод и уныние одиночества.

А потом заболела мама. Вера Ивановна попала в больницу, и для ее лечения требовались деньги. Света, не долго думая, продала свою машину и все свое свободное время проводила в больнице. Все посторонние мысли сразу же растворились в ежедневной заботе. Она приезжала домой из больницы едва ли не за полночь, и сил оставалось ровно для того, чтобы принять душ и добраться до подушки. А на другой день все повторялось: работа-больница-дом. Больше месяца кошмарного ритма. Больше месяца переживаний о здоровье мамы. Справляться с этим в одиночку было тяжело. Если раньше Вера Ивановна была для дочери поддержкой, то сейчас Свете пришлось самой стать опорой для мамы, давая той понять, что нельзя сдаваться и насколько она ей нужна.

Спустя несколько недель состояние Веры Ивановны улучшилось, и Света наконец-то смогла спокойно выдохнуть. Напряжение, так долго державшее ее, постепенно отпускало, и теперь на смену ему возвращалось еще большее опустошение. Даже от тех томительных ожиданий случайной встречи с Константином не осталось и следа. Она просто выгорела изнутри, переживания полностью поглотили все, и теперь они не исчезли, а просто приняли облик тяжелой усталости. Настолько сильной, что даже мыслям не осталось места.

– Мамочка, я так за тебя переживала, – Света устало склонилась к плечу Веры Ивановны и, как когда-то в детстве, потерлась о него щекой, словно маленький котенок, лапастый к кошке. – Больше не смей меня так пугать.

Вера Ивановна ласково провела по волосам дочери, успокаивая и приободряя ее.

– Знаешь, – задумчиво протянула она, расправляя спутанные светлые пряди волос дочери, – наверное, мне было страшнее не меньше твоего. Как подумаю, что ты осталась бы совсем одна после...

Женщина умолкла, боясь произнести это страшное слово, отнимающее жизнь, близких и любимых людей.

– Мама, ну что такое ты говоришь? – возмутилась Света. Она поднялась и укоризненно смотрела на все еще бледную, исхудавшую мать, лежавшую на подушке. – Что за ерунда пришла тебе в голову?

– Я знаю, что говорю, – твердость в голосе лишь только подтверждала правоту сказанного. – Когда лежишь целыми днями в больничных стенах, столько всего обдумать успеешь. Нет у нас с тобой никого из близких. Ни братьев, ни сестер. Даже мужей вот тоже не стало по различным причинам. Случится что-нибудь со мной, ты ведь совсем одна останешься. Ни семьи, ни родных толком... Что там дальние родственники – одним названием все сказано.

– Мам ну не начинай, – попыталась отмахнуться Света и перевести разговор в другое русло. – Вот сейчас поправишься, и все будет в порядке. Я знаю, что ты уже устала тут, потерпи немножечко. Доктор сказал, что ты идешь на поправку и скоро можно будет выписываться домой.

– Девочка моя, просто пока еще ты не можешь этого понять, – покачала головой Вера Ивановна. – Я беспокоюсь за тебя. Не за сегодняшний день. И не за завтрашний даже. Ты сама прекрасно видишь, что здоровее мы не становимся. Придет когда-нибудь такой день, и ты останешься одна. Для меня уже сейчас тяжело осознавать, что это будет так. Знаешь, когда не стало твоего отца, у меня была хотя бы ты. Именно ты, мой ребенок, стала для меня главным стимулом жить дальше, бороться, тянуться к каким-то целям. Люди не могут просто существовать без цели в жизни, иначе чем они тогда будут отличаться от простых растений?

– Мамочка, не накручивай себя. У меня все в порядке. Правда. Ты лучше себя побереги.

– Свет, задумайся над тем, что я тебе сказала. Рано или поздно наступит такой день, когда меня с тобой уже не будет. И в эти свои последние минуты мне будет очень тяжело. Понимать, что я оставляю тебя совсем одну. Что даже некому будет разделить с тобой горе утраты...

– Мама, прекрати. – Может быть ее слова прозвучали чересчур резко и грубо, впервые в своей жизни, но слушать дальше Света уже не могла. Она отвернулась и дрожащей рукой прикрыла глаза, чтобы не дать себе расплакаться. Что же такое она говорила, мама, ее родная мама? Разве можно такие мысли допускать, когда едва-едва начались долгожданные перемены к улучшению? Света не знала, чем еще можно было отвлечь ее от таких тягостных раздумий, потому что они не давали той идти к полноценной поправке.

Заставив себя немного успокоиться, Света снова повернулась к маме и, взяв ее за руку, постаралась как можно ровным тоном произнести.

– Мам, ты сама прекрасно видела, через что я прошла... Подожди, – Света покачала головой, дав понять, что хочет продолжить свою мысль, – дай я договорю... Ты видела, чем закончились отношения с Никитой. Пока к новым отношениям я не готова. А сказать, когда это будет, я не могу. А ты брось все эти упаднические мысли о смерти. Ты у меня еще молодая. И очень мне здесь нужна. Если нужно будет, я найду и деньги и возможности для лечения. Только с таким настроением, как у тебя сейчас, вряд ли они сильно помогут. Я тебя очень прошу, помоги и ты мне. Не загоняй себя раньше времени. Побудь подольше со мной.

– Свет, ты меня не слышишь...

– Мам, я тебя услышала. Но и ты услышь меня. И давай не будем возвращаться к этому разговору, хорошо?

Она никогда не думала о подобном. Просто не было повода. Может в силу своего возраста, а может собственного эгоизма. Мама... Ее присутствие в жизни всегда казалось необходимым. Света и мысли не допускала, что может быть как-то иначе. А ведь рано или поздно наступит такой момент. И сейчас она отчетливо понимала, что за пустота сковывала ее все эти долгие дни болезни мамы, что могло отступить лишь только под натиском физической усталости – страх. Страх потерять самого любимого, близкого и дорогого человека. Все эти дни, что

Вера Ивановна провела в больниц, Света просто выключала в себе все эмоции и чувства. Оставалась лишь одна надежда, придававшая силы. И вот теперь, когда все страшное уже позади, страх снова вернулся. Света не боялась одиночества. Может оттого, что она просто не знала, что это такое на самом деле, потому что даже живя отдельно, всегда можно было позвонить маме, поделиться с ней чем-то. Она боялась потерять того человека, которому была нужна и которого безмерно любила. Хотя... Может это и было одиночеством? Может быть мама и была права, говоря о том, что для каждого человека нужен смысл в жизни? Какой смысл будет у нее самой, когда она останется одна?

Мелькали огни вечернего города за окном автобуса, и Сета зачаровано на них смотрела, полностью погруженная в свои мысли. Этот разговор затронул какие-то невидимые струны души. Слова оседали в сознании тяжелым осадком, не давая спокойствия, снова и снова напоминая о себе.

Под натиском тяжких дум Света проехала свою остановку и потому пришлось прогуляться по затихающей перед ночью улице.

– Не страшно Вам так поздно возвращаться домой? – послышался позади нее знакомый голос. Его она узнала бы из тысячи других. С легкой хрипотцой, такой глубокий и теплый, он с первых дней завораживал и успокаивал ее, будоражил, зарождал новые, еще не изведанные, а потому столь пугающие эмоции.

Света обернулась и тут же встретила с яркими сияющими глазами и улыбкой. Можно было сколь угодно внушать себе, что она могла управлять своими эмоциями, но стоило все же признать, что даже от одного голоса внутри что-то вспыхивало, согревая теплом и озаряя светом. Вот и в этот вечер тревожные мысли, вызванные разговором с мамой, отступили назад.

– Я уже привыкла. Да и район здесь людный.

Константин поравнялся с ней, и теперь они неспешно шли по улице вдоль домов с затухающими перед сном огнями.

– Позвольте я провожу Вас до дома.

Света слегка опешила от такого предложения. Даже не сразу нашлась, что ответить.

– Спасибо, но это будет излишним. К тому же я почти уже пришла, – Света кивнула в сторону видневшегося дома.

– И все-таки...

– Не нужно, Константин, – Света сразу же оборвала его, догадываясь, о чем он хотел сказать. Дома его ждала семья, и не важно, из каких побуждений он хотел провести ее до дома: будь то простая вежливость или мужская заинтересованность – ей не хотелось становиться причиной конфликтов в этой большой семье.

Вежливо распрощавшись, Света, не оглядываясь, поспешила к своему дому. Много позже, спустя много лет, она задумается над тем, насколько часто судьба посылала им с Костей встречи. Совершенно случайные, они были судьбоносными. И в тот вечер после разговора с мамой такая встреча казалась спустя много лет совершенно уж откровенным намеком... Но это стало понятно спустя лишь годы... А пока... Пока она с равнодушием заваривала дома теплый чай и с сожалением подумала, почему судьба так усмехнулась над ней, даруя встречу с мужчиной, сумевшим непостижимым образом всколыхнуть ее похороненные надежды и мечты и, к огромнейшему ее сожалению, оказавшимся для нее столь же недоступным, как и звезды на небосклоне.

А на другой день Константин совершенно невозмутимо появился на пороге ее кабинета с букетом нежных роз.

Глава 7

Вот уж к чему точно Света не была готова, так это к тому, что Константин в открытую начнет проявлять знаки внимания. Он стоял на пороге кабинета, весь уверенный, с сияющими глазами и обворожительной улыбкой. Все, кто находился в тот момент в кабинете или просто проходил мимо, невольно бросали на него свои любопытствующие взгляды. И Света не могла не признать, что и сама не осталась в стороне. Константин всецело завладел ее вниманием.

– Константин, какие прекрасные цветы, – откуда-то со стороны услышала Света голос Натальи Ивановны.

– Прекрасные цветы для прекрасной именинницы, – мужчина с обворожительной улыбкой не сводил взгляда со Светы, подходя ближе к ней. – Позвольте поздравить Вас с днем рождения.

Света растерянно перевела взгляд с лица Константина на цветы, а потом снова подняла глаза.

– С чего Вы это взяли?

– Разведка доложила, – обаянию этого мужчины не было конца. В его улыбке можно было греться и греться.

– Плохо сработала Ваша разведка, – теплая улыбка тронула ее губы. – Ошиблась.

– Быть того не может, – озорной блеск его глаз вспыхнул еще сильнее, – Хотите сказать...

– Что мой день рождения уже прошел.

– Ну да ладно, пара дней роли не сыграет... – совершенно невозмутимо продолжил Константин.

– Пара месяцев, – Света непринужденно рассмеялась. – Я летняя.

– Август?

– Нет, июнь.

Разведка доложила? Да ничего подобного! Этот мужчина именно сейчас действовал по принципу "разведка боем". Он в открытую, весьма ненавязчиво, но, надо признать, действительно добывал нужную ему информацию. Уверенно шел к своей цели, зная наверняка, какими методами добиться желаемого результата. И нельзя было не признать, что именно эта сильная сторона так импонировала, так притягивала Свету. Только было одно "НО". И для Светы оно стало непреодолимой стеной, знаком "Стоп". Семья Константина. Его жена и дети. Трое малышей, души не чаявших в своем папе, самому младшему из которых всего лишь несколько месяцев. "Предавший однажды, предаст снова". Эту истину Света уже успела испытать на себе. Можно ли ожидать верности и любви от человека, с легкостью бросившего родных детей и жену, которую наверняка любил, иначе этих славных карапузов не было бы на свете. Больше испытывать судьбу на себе не хотелось.

– Раз уж я ошибся с поздравлением, прошу принять эти цветы просто так. Зачем же им пропадать? – с искренним сожалением произнес Константин, протягивая Свете букет. – Тем более, они там Вам подходят.

Света снова взглянула на букет. Нежно кремовые чайные розы. Он словно знал наверняка, что именно такие ей нравятся. С чуть зеленоватыми краями лепестков. Они источали легкий аромат, в который так невольно хотелось окунуться.

Все вокруг явно ожидали от нее какого-либо действия, тут и гадать не нужно было: все внимание было приковано к ним двоим. У кого-то откровенно явно, как в случае Натальи Ивановны, у кого-то нарочито мельком. И Света понимала, что каким бы ни был ее ответ, сплетен уже не избежать. Вот уж чего ей менее всего хотелось, так это перешептываний за своей

спиной и косых оценивающих взглядов. И уж тем более, не хотелось, чтобы на нее навесили несправедливых ярлыков.

Видимо, ее смятение не осталось незамеченным, и это послужило для Константина подтверждением правильности его действий. Он приблизился на опасно близкое расстояние, и Света ощутила, как стало тревожно-волнительно от этой близости. Приятный запах его парфюма пленительно манил приблизиться еще, вдохнуть аромат у самой кожи... Это было на грани разумного. Это необъяснимое влечение пугало и будоражило одновременно. Еще никогда раньше она не испытывала ничего подобного.

Отведя в сторону взгляд, она без труда смогла заметить, как с нескрываемым любопытством Наталья Ивановна ждет ее ответа. Нежелательных разговоров теперь уже точно не избежать. И более того, ее отказ принять цветы вызовет еще больше кулуарных бесед со всевозможными предположениями о причинах такого поступка.

Вздохнув, Света приняла из рук мужчины цветы. Чуть задев его пальцы своими, она почувствовала, как ярко алый румянец опалил ее щеки.

– Спасибо большое, Константин, но это совершенно лишнее, – тихо и смущенно проговорила она.

Господин Авдеев осторожно оглянулся. Он совершенно точно понял причину яркого обворожительного румянца на нежном лице Светы и столь сильного ее смущения. Любопытные взгляды, направленные в их стороны, не укрылись и от него самого. Однако он предпочел сделать вид, что это его нисколько не интересует.

– Не за что. – Он попытался уловить хоть малейший взгляд в свою сторону, но Света упорно прятала глаза, боясь, что они выдадут ее со всей подноготной. – Итак, что там с нашими платежками?

Попавшая врасплох столь неожиданной сменой темы, Света подняла глаза и встретила с понимающим взглядом Константина. Он догадался, в какое неловкое положение поставил ее перед коллегами, и теперь постарался сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Просто жест вежливости. Вот только этот жест обернется для Светы чередой нежелательных пересудов и недомолвок. Самое ужасное, это зависть в коллективе и кулуарные перешептывания. Теперь какие бы действия ни предпринимались в отношении компании, в которой работал Константин, все будет рассматриваться в призме их надуманных личных отношений. В данной ситуации только и оставалось, как сохранять совершенную невозмутимость и спокойствие и так же, как и господин Авдеев, делать вид, что этот инцидент никакой значимости не имеет.

Но любопытные взгляды, которые Света все чаще ловила на себе, говорили сами за себя: механизм кулуарных обсуждений уже запущен.

Уже вторую неделю привычный маршрут на работу был нарушен. Света перебралась на время к маме, которую выписали из больницы. Спорный вопрос, кто же из них нуждался друг в друге больше: еще не до конца поправившаяся Вера Ивановна или сама Света, как никогда остро переживавшая одиночество. Две женщины являли друг другу поддержку и крепкое плечо, и все же каждая из них прятала где-то глубоко свои переживания.

– Света, ужин готов, – раздался из глубины кухни голос Веры Ивановны, едва только заслышался звук открывшейся входной двери. – Переодевайся, умывайся и иди ужинать.

– Сейчас, мам, – отозвалась дочь.

Натягивая на ходу футболку, Света поспешила на кухню, где уже так вкусно витали ароматы приготовленной мамой еды. Вера Ивановна взяла на себя нетрудные домашние хлопоты. Всегда ждала дочь с работы, окружая ее атмосферой любви и заботы. Материнской любви и заботы. Это ни с чем не сравнимое ощущение. словно окутываешься старым теплым воздуш-

ным пуховым платком, уже несколько потрепанным за годы, но все еще сохранившим аромат чего-то теплого и родного и все так же дарящего ровное неизменное тепло.

– Ты какая-то задумчивая в последнее время, – заметила мама. – Все хорошо?

– Да, мам, не переживай, – очередная ложка вкусного ужина была отправлена в рот. – Просто работы навалилось много, устала.

– Мне кажется, что тебя что-то тяготит, – задумчивый взгляд женщины на некоторое время остановился на лице дочери, словно ища там подтверждение своих слов. – Ты прекрасно знаешь, что можешь поделиться со мной.

– Мам, все хорошо. Правда. Просто усталость.

– Мне сегодня звонила твоя бывшая свекровь, – неожиданно сменила тему Вери Ивановна.

Света замерла и посмотрела на маму, удивленно вскинув брови. Вот уж новость так новость.

– Неожиданно, – покачала она головой. – Что хотела?

– Не поняла. Просто спросила, где ты. Видимо, ради приличия поинтересовалась, как у нас дела, о здоровье справилась. И все.

Аппетит тут же пропал. Отставив от себя тарелку, Света взяла в руки кружку с чаем и в задумчивости сделала глоток. За прошедшее время семья бывшего мужа ни разу о себе не напомнила. Они предпочли благополучно забыть друг о друге, словно этого брака никогда и не было. Ни у кого не было ни претензий, ни вопросов друг к другу. Страница просто перевернулась, и все начали другой том своей жизни. И теперь тем более казалось странным, что бывшая свекровь вдруг позвонила. Стало даже интересно, чего она хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.